

Все время — при кухне

—Одни листочки остались, а берегу...—говорит Анна Федоровна Игнатьева, перебирая военные документы и награды. —Пятьдесят лет прошло, а война не забывается и не забудется. Столько страха натерпелась...

В начале января 1943 года ей, молоденькой девчонке, пришла повестка. Жила в старом Куйбышеве, в большой семье, в которой росло семеро детей. Отец же попал на фронт по возрасту, братишки были младше ее, вот одна за всех и пошла воевать Анна. Сначала три месяца училась в Казани на курсах поваров. Обрадовалась: все же не так далеко, да и родные постоянно приезжали навещать. Свои девчата были рядом—Клава Сардучкина, Люба Иванова. Но учеба кончилась, выдали молодым бойцам обмундирование и распределили по фронтам. Анна попала на Карельский.

Ехали туда семнадцать суток в так называемом телячьем вагоне с бочкой, приспособленной под «буржуйку», последние. Наконец, прибыли на место, вышли из вагонов, а кругом—голое поле, глазу просто не за что зацепиться! Ни привычных жителей средней полосы России перелесков, рощиц, ни поселков поблизости. Дальше бой-

нешься на войне? Особенно страшно было вначале. «Летит снаряд, — рассказывает Анна Федоровна, —вся съежишься, глаза зажмуришь, — не знаешь куда деться в тот момент! Правда, со временем привыкли, не так стали бояться. Узнали, например, что если снаряд свистит, если ты его слышишь, —значит, это не твоя смерть. А ведь разрывались они совсем рядом, осколками даже котелки у солдат дырявило. Однажды осколок упал прямо у моих ног. Будто сейчас его вижу и все до сих пор

удивляюсь: как это меня от смерти отвело?»

И она пожимает плечами, улыбается, поправляя поседевшие волосы. Говорит тихо, скромно рассказывает о себе, сидит на современную жизнь, жалуется на здоровье. И за разговором о том, о сем забываешь, что перед тобой—бывшая фронтовичка. Конечно, сейчас трудно представить Анну Федоровну в той трудной для нее роли, и дело не только в возрасте. Она и тогда мало походила на солдата—маленькая, застенчивая. Но время не спрашивало, можешь ли ты воевать, у ее поколения, время сурово распорядилось их судьбами.

В Заполярье, куда вскоре перебросили стрелковую дивизию, в которой служила Анна, спрятаться от поливавших все вокруг смертельным огнем самолетов было совершенно некуда. Крикнул: «Воздух!»—и девчонки скорее гасить кухню, иногда даже супом, «Рассыпемся кто куда, — вспоминает Анна Федоровна, —в любую щель готовы были залезть! Бросила я однажды свою кухню, а сама к камню-валуну, под который голубу только спрятала, остальное—пожалуйста, бейте!»

Так в постоянном страхе и напряжении и на-

а солдаты: «Ничего, доченька, мы чайку попьем...»

...День прошел—и слава Богу! Как часто приходили в голову эти слова там, на войне! Действительно, остаться в живых—это было счастьем, выпавшем не всем. Даже когда пришла долгожданная Победа, а ее Анна Федоровна встретила в Норвегии, и тогда война еще продолжалась. Уже получили приказ о демобилизации, уже отправлялись домой, а вокруг и рядом все еще бродила смерть. Из части в Мурманск, до корабля ехали на машинах. Думали: все, живы, целы! Радовались, как дети! И тут радость эту затмило враз — буквально перед нами машина с такими же счастливыми солдатами, ехавшими домой, подорвалась на mine...»

...Глаза Анны Федоровны вдруг будто затуманываются, и сама она становится печальной, потому что знает, как ждали дома каждого фронтовика и как сами они мечтали о возвращении домой! Два с половиной года была она на войне, но какими же длинными и трудными были они! Правда, сама Анна Федоровна говорит: «Я ведь не воевала, а все время при кухне...» А разве это мало? Разве не ходила она каждый день по краю пропасти, сорваться в которую можно было в один миг? Разве не ее руками, маленькими и натруженными, творилась великая Победа? И разве мало досталось ей в жизни лиха? С самого детства жила в чужих людях—ее, чтобы как-то прокормить семью, отдавали в няньки. Разве не отняла война у нее самое прекрасное время — юность? Разве не оставила в душе на всю жизнь горький след?

Да, ей бесконечно дороги ее военные документы и награды: медали «За оборону советского Заполярья», «За победу над Германией», выписки из приказов Верховного командующего фронта, благодарности, по которым можно проследить весь ее боевой путь,—за освобождение Печенгской области, за освобождение города Никеля, за освобождение городом

—Одни листочки остались, а берегу...—говорит Анна Федоровна Игнатьева, перебирая военные документы и награды. — Пятьдесят лет прошло, а война не забывается и не забудется. Столько страху натерпелась...

В начале января 1943 года ей, молоденькой девчонке, пришла повестка. Жила в старом Куйбышеве, в большой семье, в которой росло семеро детей. Отец же попал на фронт по возрасту, братишки были младше ее, вот одна за всех и пошла воевать Анна. Сначала три месяца училась в Казани на курсах поваров. Обрадовалась: все же не так далеко, да и родные постоянно приезжали навестить. Свои девчата были рядом—Клава Сардушкина, Люба Иванова. Но учеба кончилась, выдали молодым бойцам обмундирование и распределили по фронтам. Анна попала на Карельский.

Ехали туда семнадцать суток в так называемом телячьем вагоне с бочкой, приспособленной под «буржуйку», поселились. Наконец, прибыли на место, вышли из вагонов, а кругом—голое поле, глазу просто не за что зацепиться. Ни привычных жителям средней полосы России переделков, тропиц, ни поселков поблизости. Дальше бойцов повезли на лошадях. Сначала все было спокойно, и даже не верилось, что фронт совсем рядом. Немного проехали—стали попадаться раненые, двигающиеся, те, кто мог, конечно, в медсанбат. Где-то внутри постоянно жила тревога, а тут она стала расти, ведь никто из бойцов не знал, как сложится его военная служба. Проехали еще немного—стали встречаться могилки под сонцами. «Кто знает, суждено ли и нам вернуться домой»,—подумала Анна, но надежда на скорое возвращение, на победу не покидала.

С первых дней ей с напарницей вручили полевую кухню, и до конца войны она была при ней, кормила солдат. Обычно стояли в трех километрах от передовой и повидали всякого. Бомбежки, обстрелы—куда от них де-

удивляюсь: как это меня от смерти отвело?»

И она пожимает плечами, улыбается, поправляя поседевшие волосы. Говорит тихо, скромно рассказывает о себе, сетует на современную жизнь, жалуется на здоровье. И за разговором о том, о сем забываешь, что перед тобой—бывшая фронтовичка. Конечно, сейчас трудно представить Анну Федоровну в той трудной для нее роли, и дело не только в возрасте. Она и тогда мало походила на солдата—маленькая, застенчивая. Но время не спрашивало, можешь ли ты воевать, у ее поколения, время сурово распорядилось их судьбами.

В Заполярье, куда вскоре перебросили стрелковую дивизию, в которой служила Анна, спрятались от поливавших все вокруг смертельным огнем самолетов было совершенно некуда. Крикнут: «Воздух!»—и девчонки скорее гасят кухню, иногда даже супом. «Рассыпемся кто куда»,—вспоминает Анна Федоровна,—в любую щель готовы были залезть! Бросила я однажды свою кухню, а сама к камню-валуну, под который голлову только спрятала, оставшее—пожалуйста, бейте!»

Так в постоянном страхе и напряжении и находились все время. Что удивительно, привыкли и к такой походной тревожной жизни—как будто так и надо. А о доме Анна Федоровна старалась не думать, чтобы не травмировать душу, не расстраивать лишний раз.

Повезло ей в том, что служила с хорошими людьми. В отделении, которое она обслуживала, все были старше ее, относились к ней по отцовски нежно, называя дочкой. И даже когда что-то у нее получалось не так, как нужно, не обижали, не срывали на ней зло. Однажды, еще в начале службы, сварила Анна на ужин кашу, да при этом немного не рассчитала—троим, подошедшим позже, не хватило. И все потому, что хотелось поварихе угодить бойцам, накормить их получше, вот и перестаралась. Испугалась, что попадет ей,

тами, ехавшими домой, подорвалась на mine...»

Глаза Анны Федоровны вдруг будто затуманиваются, и сама она становится печальной, потому что знает, как ждали дома каждого фронтовика и как сами они мечтали о возвращении домой! Два с половиной года была она на войне, но какими же длинными и трудными были они! Правда, сама Анна Федоровна говорит: «Я ведь не воевала, а все время при кухне...» А разве это мало? Разве не ходила она каждый день по краю пропасти, сорваться в которую можно было в один миг? Разве не ее руками, маленькими и натруженными, творилась великая Победа? И разве мало досталось ей в жизни лиха? С самого детства жила в чужих людях—ее, чтобы как-то прокормить семью, отдавали в няньки. Разве не отняла война у нее самое прекрасное время—юность? Разве не оставила в душе на всю жизнь горький след?

Да, ей бесконечно дороги ее военные документы и награды: медали «За оборону советского Заполярья», «За победу над Германией», выписки из приказов Верховного командующего фронта, благодарности, по которым можно проследить весь ее боевой путь,—за освобождение Печенгской области, за освобождение города Никеля, за овладение городом Киркенес и другие. И хоть истерлись, пожелтели за пять десятков лет эти листочки, она не может с ними расстаться—ведь здесь ее юность, которую не пощадила война.

Всю жизнь прожила Анна Федоровна вместе со своим мужем, тоже бывшим фронтовиком, Алексеем Ивановичем в Куралове. Работала, растила четверых детей. Нелегко, конечно, приходилось с ними, но все наши житейские трудности—ничто в сравнении с теми, которыми испытала война. И потому так горько вспоминать о ней, и потому затуманиваются глаза и начинают беспокойно перекладывать военные документы с места на место руки этой маленькой женщины, бывшей фронтовички.

Л. ГЕОРГИЕВА.